

СЕКЦИЯ 3

СТУДЕНЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

О.Г. Буховец

БГЭУ

СОВРЕМЕННОЕ БЕЛОРУССКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ XX — НАЧАЛА XXI в.

Конец XIX — начало XX столетия — это время, когда в Российской империи, с одной стороны, быстро разворачиваются процессы предмодернизации. С другой стороны, даже накануне первой мировой войны и последовавших затем великих потрясений «домашние задания» по экономическому, социальному, культурному развитию страны на XX в. объективно остаются заданиями повышенной сложности. Ведь несмотря на высокую динамику индустриального развития, на промышленность в 1913 г. приходилось еще только 27 % ВВП. Невысокими оказались и темпы урбанизации: доля городского населения достигла лишь 15 %.

Противоречивым был и ход культурной модернизации. При всем том, что в первые десятилетия XX в. государство прилагало большие усилия для развития народного образования, в том же 1913 г. удельный вес грамотных поднялся лишь до 54 % среди мужчин и до 26 % — у женщин. При этом уровень функциональной грамотности был еще ниже. Жизнь значительной части населения (особенно сельского) по-прежнему продолжала протекать в рамках патриархальных составных (расширенных) семей.

Взяв в 1917 г. власть и отстояв ее в ходе Гражданской войны, большевики получили в качестве «эстафетной палочки» и указан-

ные «домашние задания». Для их выполнения советскому государству объективно необходимо было выработать особую модель «догоняющей», ускоренной модернизации. Согласно исследованиям известных российских ученых А. Вишневецкого, Б. Миронова и других, сутью советского варианта модернизации являлось обеспечение технологического и материального прогресса страны на основе воссозданных социальных институтов традиционного общества, прежде всего общинных. Особенно много проявлений общинного социального строя специалисты находят в сталинской эпохе.

Отсюда — выраженная противоречивость результатов стремительной по историческим меркам советской модернизации. С одной стороны, данная модель модернизации не сумела создать адекватные социальные механизмы ни для саморазвития экономики, ни для обеспечения необходимой гибкости социальной структуры, ни для функционирования институтов гражданского общества и политической демократии. Однако, с другой стороны, она, сделав СССР страной по преимуществу городской, оказалась способной не только воспринять, но отчасти даже развить многие инструментальные достижения западных обществ — современные технологии, внешние формы жизни, науку, образование и т.д. Советская модель обеспечила также секуляризацию массового сознания, рациональную мотивацию поведения, поразительно высокую социальную мобильность, демографическую революцию и становление современного типа малой демократической семьи.

Особенным образом эта вторая сторона советской модернизации дала знать о себе в послесталинскую эпоху. В условиях внутрисистемной «демократизации» и либерализации духовной жизни в СССР 1950—1960-х гг. обнаружило себя противоречие между общинно-патерналистскими социальными институтами советского государства и появившимся в результате модернизации грамотным человеком с секуляризованным сознанием, рациональным мышлением и поведением. Превращение в же 1960—1970-е гг. такого человека в массовый тип предопределило в конечном счете переориентацию большинства населения страны на ценности городской, преобладающе индивидуалистической культуры.

В 1970-е — первой половине 1980-х гг. усиленное стимулирование данной социокультурной трансформации обеспечивалось действием комплекса факторов. Во-первых, процесс возвышения потребностей в тогдашнем советском урбанизированном социуме происходил в условиях «затухающей» динамики экономического, социального, политического развития. Во-вторых, происходила массовизация критических и негативистских установок и стереотипов в отношении институтов и персоналий власти, «геронтократии»,

«социалистической демократии», казенной идеологии и культуры. В-третьих, «информационные окна», появившиеся в условиях мирного сосуществования и разрядки и позволившие населению страны «заглянуть» в мир за «железным занавесом», обеспечили наибольший демонстрационный эффект от его созерцания именно в 1970—1980-е гг.

Перестройка, системный кризис и развал СССР, слом основных несущих опор «советской цивилизации» создали принципиально новые рамочные условия для формирования постсоветского массового сознания. Как и в других новых независимых государствах, в Беларуси в этот период наблюдается «посттоталитарная атомизация», которая выражается в разрушении либо существенном ослаблении старых социальных, этнонациональных, социокультурных связей и идентификаций. Обратной стороной этого процесса стала дальнейшая индивидуализация сознания, проявляющаяся как в элементарных («классических») своих формах, так и в виде более современной и адаптированной к социальности *персонализации*.

Рассмотрим данные явления на примере белорусской учащейся молодежи. Этот объект исследования вызывает повышенный интерес по двум, как минимум, причинам. Во-первых, сознание этой возрастной категории населения в наибольшей мере восприимчиво к новым общественным явлениям, и именно студенты быстрее всех других групп населения реагируют на них изменениями в наборе и структуре ценностей. Во-вторых, студенчеству как особой социально-демографической группе молодежи объективно принадлежит ключевая роль в определении будущих судеб любого современного государства. От качественных характеристик сегодняшнего студенчества напрямую зависит качество завтрашних элит страны — политической, хозяйственной, научной, культурной. В студенческие годы идет активная подготовка личности к выполнению определенных социальных и профессиональных ролей, ускоряется процесс социализации. В ходе обучения студент расширяет свой кругозор, уточняет мировоззренческие позиции, корректирует систему индивидуальных ценностей, сумма которых становится уже *социально значимой*.

Большой фактический материал, отображающий уровень индивидуализации и персонализации сознания современной белорусской учащейся молодежи (студенты и старшеклассники) содержится в масштабном научном проекте «Белорусская молодежь на рубеже веков. 1997—2003 гг.», осуществленном Центром социологических и политических исследований БГУ (Социология. 2004. № 1. С. 50—59) и в коллективном труде «Молодежь Беларуси на современном этапе...», подготовленном учеными ИСПИ при Администрации Президента Республики Беларусь (Мн., 2004. С. 73—95).

Так, социологи БГУ на основании исследований, охватывающих по репрезентативным выборкам все типы учебных заведений Беларуси в указанные годы, делают вывод о том, что характерной чертой динамики ценностей современной учащейся молодежи «становятся их рационализация, снижение влияния идеологизированных целей и средств, *далеких от собственных потребностей индивидов*» (выделено мною — **О.Б.**). В ряду приоритетных жизненных ценностей ими фиксируются достойный заработок, материальная стабильность, удовлетворенность в интимной жизни. Наименее же значимыми воспринимается молодежью успех, основанный на «спокойной жизни», и власть как возможность командовать людьми. Большинство опрошенных верит в себя и в своих индивидуальных усилиях видит источник благосостояния. От половины до трех четвертей юношей и девушек различных статусных групп полагают, что человек должен «сам заботиться о себе и своей семье, не ожидая помощи от государства». Они готовы много трудиться, нести ответственность, проявлять предприимчивость, инициативу и риск.

Также более половины респондентов считают конкуренцию стимулирующим фактором их профессионального роста и предпочитают самостоятельную высокодоходную работу без гарантии стабильности (и с неизбежностью риска), а не спокойную, менее оплачиваемую работу без ответственности за ее результаты. Наибольшие надежды на будущее опрошиваемая молодежь связывает с развитием в Беларуси частного предпринимательства (для сравнения: сторонников плановой экономики, основанной только на госсобственности, — всего 2 %).

Таким образом, итоги рассмотренного исследовательского проекта БГУ позволяют говорить о том, что в ментальных моделях большинства опрошенных (представляющих всю белорусскую учащуюся молодежь) индивидуалистско-персоналистские ориентации и ценности определенно стали *системообразующими*. Роль же патерналистско-инфантилистских ориентаций — явно периферийная.

Схожая картина вырисовывается и по результатам упомянутого выше исследования ИСПИ «Молодежь Беларуси на современном этапе...» И здесь ценностные ориентации индивидуалистско-персоналистского характера оказываются в кругу наиболее часто называемых респондентами: карьера, деловой успех, сохранение и укрепление здоровья, личная свобода, интересная профессия, возможности для реализации своих способностей и хорошее образование. Напротив, власть над людьми занимает в пирамиде ценностей последнее место.

О доминировании в сознании учащейся молодежи Беларуси ориентаций индивидуалистско-персоналистского свойства свиде-

тельствуют обобщающие выводы участников исследования. В них констатируются установки юношей и девушек на собственное жизнеобеспечение, преодоление потребительской позиции, нацеленность на понимание новой социальноэкономической ситуации и механизмов рыночной экономики, бизнеса. Вместе с тем логика ряда других выводов создает у читателя представление о более значительном месте компонентов социального инфантилизма в сознании опрашиваемых студентов и старшеклассников, чем об этом можно судить по данным социологов БГУ. Но в таком случае этой логике противоречит сам по себе итоговый вывод проекта ИСПИ, согласно которому, юноши и девушки для решения совокупности проблем, затронутых в ходе исследования, предлагают *не столько* пути совершенствования воспитательного процесса в своих учебных заведениях, *сколько*, подчеркнем это, *меры «по коренному изменению социально-экономической ситуации в стране и социокультурной среды обитания личности вообще — в семье, коллективе, обществе»* (Молодежь Беларуси на современном этапе... С. 95).

Такая позиция, во-первых, уж никак не может трактоваться как проявление патерналистско-инфантилистских настроений. Во-вторых, она предельно ясно свидетельствует и о том, что современная белорусская студенческая молодежь не воспринимает себя в качестве пассивного объекта воспитания. И это понятно: даже наиболее юные студенты в начальный период учебы в вузе обретают избирательное право, т.е. уравниваются в гражданской ипостаси (как избиратели) с остальным взрослым населением страны. Объективно это означает и субъективно самими студентами воспринимается как их переход из категории «выросших детей» в категорию «юных взрослых».

Следовательно, в свете столь определенных настроений и установок учащейся молодежи весьма сомнительной представляется и эффективность всякого рода «воспитательной кампанейщины». Ведь именно в студенческие годы важнейшее значение для молодых людей приобретает самостоятельность в принятии решений, касающихся и учебы, и общественной жизни, и поведения в быту. В этот период возрастает их внутренняя независимость от внешнего контроля, что, конечно же, влечет за собой необходимость повышения удельного веса самоконтроля и саморегуляции поведения, выработка которых возможна лишь на путях применения «мягких стратегий» партнерства в системе «педагог—студент».